

Г. Л. Тульчинский

Культурология и образование

УДК 165.5

Культурология имеет все основания быть педагогической дисциплиной. Современный мир представляет собой соотношение социально-культурных практик и взаимодействий. Изучение культурных явлений и интеллектуальных событий, их презентация в образовательном процессе есть основная задача культурологии.

Ключевые слова: *современный мир, культурология, образование*

G. L. Tulchinskij. Cultural studies and education

Cultural studies has every reason to be a teaching discipline. The modern world represents the ratio of the socio-cultural practices and interactions. The study of cultural phenomena and intellectual events and their presentation in the educational process is the main task of cultural studies.

Keywords: *modern world, culture, education*

Уяснение статуса культурологии как научной дисциплины должно учитывать как ее предметную определенность, так и особенности становления. Начнем со второго.

1. Причуды судьбы

Термин «культурология» (culturology), как известно, был предложен в 1946 г. Л. Уайтом и гуманитарной общественностью принят не был. В англоязычной среде он и сейчас может вызвать недоумение. Там предпочитают говорить о теории и философии культуры (theory and philosophy of culture), философской антропологии (philosophical anthropology) или прикладных исследованиях культур (cultural studies).

Вторую жизнь термин «культурология» получил с легкой руки гуманитариев Восточной Германии, довольно быстро в 1970-х войдя в отечественный гуманитарный обиход, когда с культурологией связывались сфера гуманитаристики, не ангажированной официальной идеологией, и даже некоторая философская фронда режиму.

Под этой крышей уживались и космополитичные семиотики и методологи науки, и славянофильствующие гуманитарии. Это потом

их пути резко разошлись. А тогда и Вяч. Вс. Иванов и В. Кожин вместе публиковались в сборниках, посвященных М. М. Бахтину, и отдушиной любого продвинутого гуманитария были выпуски «Трудов по знаковым системам» Ученых записок Тартусского университета, выходивших под редакцией Ю. М. Лотмана – одного из хранителей отечественной духовности и интеллектуальной культуры.

Действительно, в культурологии нет «основного вопроса философии». По той простой причине, что даже «материальная» культура по определению – как культура – сопряжена с каким-то смысловым содержанием, значением и т. д. Даже если принять самое «материалистически-марксистское» понимание культуры как способа деятельности (известный и очень плодотворный «технологический» подход к определению культуры), то и тогда получается идеологический конфуз, потому что центральным моментом деятельности является цель, желаемый результат, т.е. то, чего еще нет в реальности, но то, что уже есть в мысли, в идее. А что же тогда говорить о ценностном понимании культуры или о понимании культуры как «человекотворчества», как духовного возвышения человека?

Вот так и формировалась будущая отечественная культурология, как заповедник гуманитарного инакомыслия, идеологической фронды, чрезвычайно эклектичный по составу участников и концептуальному содержанию. Системообразующим фактором в этом интеллектуальном движении была отнюдь не единая парадигма, не единство взглядов и подходов, а скорее ключевые слова (именно слова, а не понятия – типичным примером концептуального разнобоя в одной упаковке является бахтинская идея диалога и диалогизма, персонологически-метафизическая у самого М. М. Бахтина, но понимавшаяся кем-то коммуникативно, кем-то – как вопрос-ответная структура и т. д.), титульно-культовый круг авторитетных авторов etc.

Самоназывание довольно специфического феномена советской гуманитаристики совершило бурную экспансию в перестроечное время. И опять-таки эта карьера была вызвана отнюдь не внутренними дисциплинарными причинами, а причинами чисто внешними. С уходом из вузовских программ курсов истмата, научного коммунизма, истории КПСС, марксистско-ленинской этики и эстетики, научного атеизма и т. п. нужно было как-то оприходовать никуда не девшихся отечественных обществоведов, имя которым легион, найти название

дисциплинам, которые они могли бы читать с вузовских кафедр. Тут уж, если бы даже культурологии не было, то ее следовало придумать. Дело дошло даже до «прикладной культурологии» – есть теперь даже такое в ВАКовской рубрикации, при ближайшем знакомстве оказывающееся до боли в сердце знакомой методикой культпросветработы. Как говорит один коллега, «те же яйца, только в профиль». Яйцо как не крути – все равно будет яйцом. Так и тут. Но зато – в профиль. Культурологический. Дошло до того, что о культурологии пишут и говорят те же самые люди, что активно участвовали в преследованиях семиотиков культуры и прочих культурологов 70-х.

Как грибы после дождя пошли программы курсов и учебники. Сейчас на каждом книжном прилавке обязательно найдется пара учебников по культурологии. Вроде бы надо только радоваться. Культурологический бум. Но... В профиль подается лежалый товар. Один пишет про классовую культуру, другой пересказывает Л. Н. Гумилева, третий пишет о «диалоге культур», четвертый пересказывает А. Тойнби, пятый – о языках, шестой о социальной информации и коммуникации... Чаще же всего, очевидно признавая собственное интеллектуальное бессилие, пишут и читают историю культуры, а чтоб было еще проще делиться радостью книжного узнавания – историю художественной культуры. Исключением являются, пожалуй, только теперь уже относительно давние книги Э. В. Соколова («Культурология»), М. С. Кагана («Философия культуры»). Что касается Э. В. Соколова, то если бы просто переиздать его раннюю работу «Культура и личность», то одно это уже возвышалось бы над морем разлитым нынешней культурологической продукцией. А М. С. Каган – автор такой интеллектуальной культуры и силы, что в принципе не мог написать ничего невразумительного – даже если захотел бы, то не получилось бы.

Оказалось, что с культурологией может быть связан какой угодно сектор гуманитарного знания. Впору вспомнить яркую статью К. Шеннона «Бандвагон», в которой создатель теории информации отчаянно протестовал против бездумно расширительного употребления ставшего модным термина. Утрачивающий свою определенность термин перестает быть средством научного познания. Может ли быть определен предмет культурологии?

2. Предел первый – от крошки к собственному предмету

Культурой, действительно, может быть названо что угодно. Указать на культуру – это ткнуть пальцем в небо. Языкознание занимается культурой? Несомненно. Этнография? Быт и нравы – самое что ни на есть культура. Социология, психология, социальная психология, экономика, политология... – все они изучают те или иные стороны культуры. А богословие, религиоведение, общая история, история искусств etc., etc., etc... А технические науки? Даже естественные науки, осмысляющие природу, – суть проявления определенной культуры. Так что же, получается, что либо культурология – новая «наука наук», «мать всех наук», либо это нечто вроде селянки или крошки, с миру по нитке – культурологу культурология? Именно так и получается, если судить по большинству публикаций.

Или же мы являемся свидетелями и участниками довольно редкого явления – появления на широком, если не бескрайнем, междисциплинарном поле действительно новой дисциплины? Хочется думать, что дело обстоит именно так, тем более что для такого суждения имеются веские основания.

На рубеже XX–XXI столетий человечество сталкивается с необходимостью радикально нового видения реальности, видения самого себя. На глазах у всех нас рухнул социал-коммунистический миф о справедливом обществе и сталкивается со все возрастающими проблемами либерализм. Не всегда вспоминают, что оба мировоззрения восходят к единым корням рационалистического Просвещения. Но, как говорил Гете, «общие понятия при большом самомнении ведут к большой беде». Абстракции справедливого общества и свободы личности прошли убедительную апробацию исторической практикой. Первая оказалась чреватой тоталитаризмом. Вторая – самоцельными процедурами и гарантиями, обессиливанием общества в критических ситуациях. Либеральная демократия эффективна только в условиях сплоченного общества. Обществу, раздираемому противоречиями и конфликтами, она просто противопоказана – несть числа примерам тому в Новейшей истории.

Решающим фактором сплочения общества оказываются не абстрактные рационалистические идеи справедливости и свободы, а конкретная культура, реализующая сознание «мы» не только и не столько на рациональном уровне, сколько на уровне первичного опыта, пере-

живаний идентичности личности и ее сопричастности некоторой общности.

В этом плане – и чем дальше, тем больше – современный мир (именно как универсум, world) предстает миром культуры, которая теперь пронизывает все сферы и поры общественной и индивидуально-личностной жизни. Снятие чугунной плиты противостояния двух «мировых систем» открыло очень пестрый переливчатый и весьма нестабильный мир, впрочем, и нестабильный мир (как rease) тоже. С. Ханнингтон не так уж и неправ, когда говорит о том, что противостояния в современном человечестве носят уже не столько идеологический, сколько культурный характер. Чрезвычайно показательны в этом плане войны во Вьетнаме и Афганистане, конфликты вокруг Ирака и в Боснии, Судана и других африканских стран, межэтнические конфликты в Европе... Они показательны именно тем, что в их подоплеке мотивы, в конечном счете, культурального плана. В таких конфликтах практически невозможно добиться радикальной победы, трудно отделить правых от виноватых, у участвующих сторон оказывается неожиданно широкая социальная и внешняя база поддержки.

Культура оказывается мощным фактором современной политики. Это обстоятельство часто ошибочно связывают с ростом национализма, неожиданным для либерально-демократических аналитиков и экспертов.

Более того, к концу столетия стало очевидным, что слухи о разрушительности урбанистической среды для традиционных культур оказались сильно преувеличены. Мегалополисы не только обеспечили сохранение традиционных культур, сформировавшихся при сельском образе жизни, и создали для них даже лучшие условия сохранения и трансляции, но и сами стали мощным источником культурогенеза. Речь идет о невиданном ранее мощном выплеске многообразных субкультур: пестром мире молодежных субкультур (панки, хиппи, рейверы, рокеры, бритоголовые, готы, эмо...), бизнес-культурах, корпоративных культурах, субкультурах научных сообществ и мира искусства, криминальных субкультурах, не говоря уже о традиционных этнических и конфессиональных субкультурах. Даже экспоненциальный рост «новых религий», в конечном счете, имеет не столько религиозные, сколько именно субкультуральные причины.

И причины эти весьма существенны и значимы. Это бегство от одиночества, обособление и объединение, острая потребность быть сопричастным чему-то общему, что придает смысл существованию, возможности оценки и успеха, самореализации, коммуникации, общения и компенсации от стрессов «большой культуры» – этот перечень можно продолжать и продолжать. Особенно характерно, что даже такая космополитичная сфера деятельности, как бизнес – в маркетинге, рекламе, PR, работе с персоналом и т. д., – приобретает все более отчетливый «культурологический» характер.

Так или иначе, но можно сказать, что современность на пороге нового тысячелетия предстает именно Миромъ Культуры. Речь идет не столько о формировании некоей Единой культуры, до которой еще очень далеко, а если она даже и сформируется, то это, как показывает опыт мегаполисов, отнюдь не исключает субкультурной дивергенции и даже, наоборот, ее предполагает. И тем более речь не идет о «диалоге культур» и прочей интеллигентской постсоветской невнятице. Как становится ясным в конце XX столетия, культура – вещь обоюдоострая, не только объединяющая, но и жестко противопоставляющая, и нужно еще много учиться и учиться жить в Мире (как благоволения) культур, чтобы достичь культуры мира культур.

Культурологию ждут великие дела – благородные и чрезвычайно благодарные. Чтобы справиться с ними, культурологии надо всего ничего – не прятаться в обличье других дисциплин и не останавливаться на радости узнавания прошлого, а, осознав самое себя, включиться в реальное осмысление настоящего и перспектив будущего.

С этой точки зрения становится ясным, что культурология – не просто наука о способе жизни или системах духовных и материальных ценностей. *Культура суть механизм порождения, хранения и трансляции социального опыта.* В этом случае культурология оказывается наукой об общих закономерностях в формировании и развитии такого механизма (порождения, хранения и трансляции социального опыта). Такое понимание придает определенность ее предмету. Более того, оно показывает, что возникновение такой науки предполагает осознание общности механизмов формирования и развития любых культур: национально-этнических, возрастных, семейных, дворовых, деловых и проч. А такое осознание стало возможным только к концу XX столетия.

Ближе всех к сути дела подходил Ю. М. Лотман, определявший культуру как механизм внегенетического наследования информации о поведении. Действительно, если в животном мире адаптация осуществляется преимущественно с помощью мутации и естественного отбора, то человек заставляет «мутировать» саму реальность, создавая культуру и вынося тем самым механизм адаптации в это преобразование природы в культуру.

Кроме того, с этой точки зрения становится очевидной глубина взаимосвязи культуры и личности – источника, средства, носителя и конечного результата любой культуры.

3. Предел второй – персонологический, или Гуманитарность против гуманизма

Что такое гуманитарность сегодня? Каково место культурологии в системе гуманитарного знания?

Проблема усугубляется спецификой гуманитарного знания. Насколько вообще совместимы понятия гуманитарности и знания? Неспроста ведь в английском отсутствует понятие «гуманитарные науки». Вместо него используется понятие *humanities* – широкая сфера проявлений человеческого духовного опыта. Результатам этой деятельности характерны уникальность, неповторимо личностный характер, оценочность, эмоциональная окрашенность. В этом случае можно говорить не столько о знании и познании, сколько о смыслопорождении и осмыслении (понимании). Этой сфере, с ее смысловой неоднозначностью, противостоит наука, *science*, под которой понимается деятельность, связанная с получением знания в результате расчета и эксперимента, т. е. преимущественно – естествознание и математизированные науки. Где в этой системе ориентиров место культурологии?

Начнем с экономики, экономической географии, социологии, политологии и других дисциплин, изучающих среду, условия существования человеческого общества. По сути дела, речь идет о социальной, политической, экономической, природной *инфраструктурах*, обеспечивающих сохранение и развитие конкретных культур – как в отдельности, так и в условиях и гарантиях их сосуществования. Поэтому так опасны политико- и экономико-центризм. Самодостаточность чисто экономического, политического и т. д. подхода чревата серьезными, если не катастрофическими издержками. Последние российские ре-

формы – убедительный тому пример. Так или иначе, но использование природных, финансовых и других ресурсов не может осуществляться в ущерб другим обществам и культурам.

Но не менее опасен и культуроцентризм. Можно только приветствовать попытки типа разработки «Декларации прав культуры», инициированной в середине 1990-х академиком Д. С. Лихачевым. Каждый народ и каждый этнос должен иметь право на реализацию базовых ценностей культуры, с которой он себя идентифицирует, на доступ к культурно-историческому наследию. Однако не следует и забывать, что самодостаточность отдельных культур очень часто оборачивается в лучшем случае изоляционизмом, а чаще – нетерпимостью к иным культурам и их носителям, а то и шовинизмом. И хорошо известно, что национализм чаще всего выпестовывается в среде гуманитарной интеллигенции.

Сама культура, любая культура – не самодостаточна, а является лишь *инфраструктурой* формирования и развития определенных типов личности. Серьезной заслугой постмодернизма является демонстрация несостоятельности и тупика культуроцентризма, а также самодостаточности творчества. Разкультуривание современной культуры, перенасыщенной культурой, в которой сама культура становится предметом игрового манипулирования, развенчивает амбиции культуроцентризма. Тем самым обесмысливается и творчество. И то, и другое, ставящееся во главу угла, – обесмысливается, не находя основания в самом себе.

Условия существования человека как такового – биологической особи, сохранения его психосоматической целостности – от общих условий жизни и медицинского обслуживания до образования и духовного развития – несомненные темы гуманитарности. Но не менее опасны и антропоцентризм, самоценность человека. Человек – это не всегда хорошо и не всегда самоценно. В. Шаламов был глубоко прав, бросая упрек великой русской литературе с ее гуманистической традицией и ставя в вину гуманизму опыт кровавого тоталитаризма и насилия XX столетия. Лозунгом «Все во имя человека, все для блага человека!» могут оправдываться самые страшные злодеяния и самозванство – делание других счастливыми помимо и вопреки их воле. Именно об этом написана Ф. М. Достоевским великая «Легенда о Великом Инквизиторе».

За человеком – существом, в общем-то, амбивалентным, надо видеть главное, носителем чего выступает человеческая личность, – свободу как добытийный и внебытийный источник бытия, доступ к которому пока имеет только личность, наделенная сознанием, что и обеспечивает возможность трансцендирования в иное, овозможивание бытия. Покушение на свободу всегда, так или иначе, оказывается покушением на бытие, ничтожит его.

Таким образом, содержание гуманитарности выстраивается в несколько уровней:

Суть, ядро гуманитарности образует проблема свободы. Свобода внебытийна и добытийна. Однако она не столько небытие, «дыра в бытии» (Ж.-П. Сартр), сколько бытие в возможности (дьюнамис Аристотеля). Свобода – источник творения новой реальности, откровения новых миров. Единственным пока носителем свободы является человек, существо, наделенное способностью к трансцендированию в иное. Проявлением этой способности и является сознание, разум, все то, что обычно связывается с интеллектуальной, духовной деятельностью. Неслучайно по-немецки гуманитарные науки называются *die Geisteswissenschaften* – науки о духе.

Носителем свободы и духовного опыта сознания является не просто человек, а личность, границы которой (временные и пространственные) определяются и задаются именно границами свободы как ответственности, т. е. вменяемости. Инфраструктурой, обеспечивающей формирование личности, и выступает культура.

Современная хаптика, телесные практики в науке, медицине, искусстве, игра с телом в обыденном опыте открывают несущественность антропоморфности, человеческого. Можно сказать, что современная культура расчеловечивает личность как инфраструктуру свободы. Это расчеловечивание, перспектива пост-человечности позволяет за тремя соснами увидеть лес и путь в нем.

Речь идет именно о, похоже, необратимой динамике. От экономики, политики право в мировом масштабе шагнуло в обеспечение гарантий национально-этнической культуры, примерами чего являются Нюрнбергский процесс или Гаагский трибунал по Югославии. Повсеместно активизировались правозащитные движения, все более гуманными становятся законодательства и пенитенциарная система. Яркий пример тому – запреты или моратории на применение смерт-

ной казни. То есть право закрепилось уже и на уровне гарантий существования отдельной личности. (В этой связи стоит отметить все большее расхождение российской правовой системы с быстро меняющейся мировой правовой культурой. Например, мы все более отдаляемся от исторически неизбежной правосудной и политической оценки преступлений большевизма, сталинского режима и КПСС перед собственным народом. Общественное мнение резко негативно относится к защите прав человека, к ограничению смертной казни.)

Назревает следующий шаг – к сердцевине гуманитарности. Речь идет отнюдь не только о гарантиях свободы вероисповедания и прочей культурной идентичности. Это гарантии предыдущих уровней. Речь идет о свободе доличностного уровня. Яркий пример – упоминавшиеся проблемы аборт и использования генной инженерии, клонирования и т. п. Все они связаны с правовой защитой еще не сформированной личности, некоей возможности личности.

Поскольку право, закон – формализованная часть нормативно-ценностного содержания культуры, нравственности, фиксирующая в «сухом остатке» закрепляемые нормы социальной жизни, то общая динамика гуманитарной культуры за последнюю сотню лет становится тем более очевидной. Похоже, настала пора четкого различения понятий гуманизма и гуманитарности, включая в последнюю и постчеловеческую персонологию. Гуманизму, похоже, место рядом с экономизмом и национализмом – формами ограниченной гуманитарности. Поэтому тем более оказывается важным согласование (гармонизация, оптимизация) различных позиций и критериев. А это, в свою очередь, возможно, только при условии признания абсолютного и внебытийного критерия – свободы и условий ее реализации.

Свобода, единый и универсальный дух проявляется через конкретную личность, занимающую конкретную и уникальную позицию в мире. Но, впрочем, и в science единый и целостный мир открывается в каких-то приближениях, с каких-то позиций исследования, экспериментирования, средств наблюдения, измерения и т. д. Постигание человеком мира – попытки конечного существа понять бесконечное. Поэтому оно всегда герменевтично, всегда интерпретация, всегда осуществляется с какой-то позиции, точки зрения. Гуманитарность неизбывна с точки зрения личностной, базовых ценностей какой-то культуры или субкультуры и т. д.

Можно сказать, что в этой системе гуманитарности культурология занимает свое особое место между социальными науками и персонологическим комплексом, играет важную опосредующую роль в изучении взаимосвязи социума и личности как последовательных потенциаторов и хранителей свободы.

Источник всего разнообразия современного единого мира (единого в своем разнообразии и разнообразного в своем единстве) коренится в сердце души каждой уникальной личности. И в этих глубинах бытия нет зла.

И. Е. Фадеева

**Метасимволика культурных пространств:
локальный текст в измерении цивилизационной семиотики¹**

УДК 008:1-027.21

На основании теоретического анализа концептуального уровня семиосферы и национального семиозиса автор обращается к социокультурному и семиотическому моделированию цивилизационных процессов. На материале исследования семиотики двух северных городов – Сыктывкара и Мурманска как пограничных зон «Северного текста» – в статье рассматриваются варианты культурных кодов, определяющих возможность продуцирования и репрезентации цивилизационных смыслов.

***Ключевые слова:** семиозис, семиосфера, концепт, текст культуры, культурный ландшафт, визуальные и вербальные коды.*

I. E. Fadeeva. Meta-symbols of the cultural space: local text in the context of the civilization semiotics

The article is based on the theoretical analysis of the conceptual level of semiosphere and the national semiosis. The author refers to the semiotic and social modeling of civilization processes. The subject of this study is the semiotics

---

© Фадеева И. Е., 2012

¹ Исследование проведено в рамках проекта РГНФ «Культурные индустрии современного Кольского региона: состояние, способы обновления и практики» 03(а), 12-03-00394.